

ГЕННАДИЙ БОЛТУНОВ

Да будет светлою печаль

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Геннадий Болтунов

**Да будет светлою печаль.
Любовная лирика**

«Издательские решения»

Болтунов Г.

Да будет светлой печаль. Любовная лирика / Г. Болтунов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966190-6

Любовь сопровождает автора всю жизнь. Не важно, взаимна она или безответна, но безраздельна, хотя и «на расстоянии взгляда». Тексты перемежаются строками лёгкой иронии, доброй усмешки. Присутствует и, по выражению Глеба Горбовского, «неизбывная тема российских поэтов», тема возвращения. Автор убеждает читателя, что в любви и надежда, и спасение. Счастье в любви, какой бы она ни была. Присутствует в стихах и озорство, и поиски смысла жизни с попытками её вселенского охвата.

ISBN 978-5-44-966190-6

© Болтунов Г.
© Издательские решения

Содержание

I. На семи ветрах	7
Даль	8
Прошу прощенья за любофь	9
Лесной храм	10
Пропаций	11
Колодезь любви	12
Песня	13
О болезни под шифром f 63. 9	14
С днём 8-е Марта!	15
Диагональный снег	16
Пора за лыжами	17
Прощай зима	18
Школьные друзья	19
И звёзды в тувельках балетных	20
Круги вечные	21
Первые числа августа	22
Начальные дни листопада	23
Советы самому себе	24
Ёк	25
С неба долгого взгляда	26
Час разлуки	27
И паучков переполох	28
Привык	29
Яблоня	30
Мелководье	31
Мелодия	32
Любовные стихи	33
Зелен-город	34
То ли счастье мне такое	35
Лёгкость мысли необыкновенная	36
Выбиваемся	37
Всех белей	38
Без меня	39
Исподлобья	40
Всё может быть	41
Лоскутное одеяло	42
Зимнее стихотворение	43
Венок	44
Твоё имя припомнить пытаюсь	45
Забудь	46
Руки	47
Выживу	48
Всё дальше	49
Моим одноклассникам	50
Черёмуха	51
Любовь	52

Вера в чудо	53
Шрам	54
Берег	55
В сиделках снилась	56
Бродит по дому судьба	57
У времени в горсти	58
Живое небо	59
Мнимое счастье	60
Накануне забытья	61
Ливень в Спасском	62
Рана	63
Выше крыши	64
С тех пор, когда в урочный час	65
Начнём сначала	66
«Берёз пожелтевших листву отражая, вода...»	67
О чём не говорят	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Да будет светлою печаль

Любовная лирика

Геннадий Болтунов

Фотограф Геннадий Владимирович Болтунов

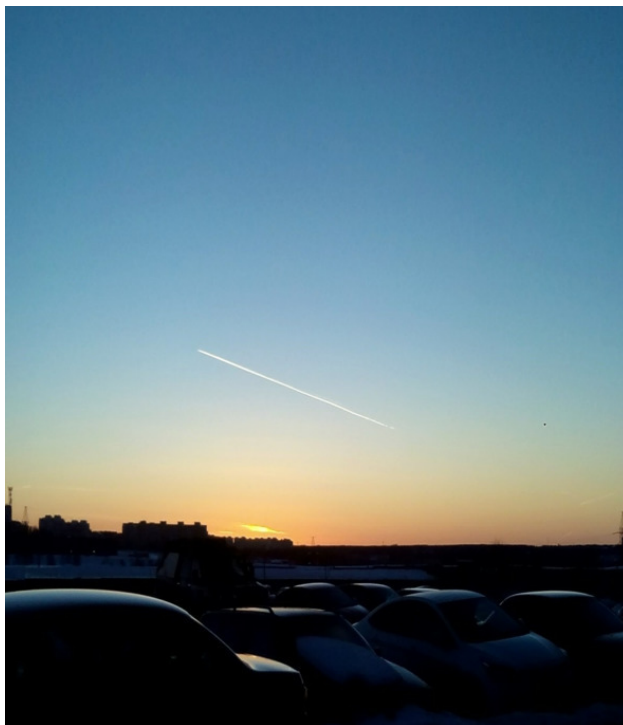
© Геннадий Болтунов, 2019

© Геннадий Владимирович Болтунов, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-6190-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. На семи ветрах

Даль

Да будет светлою печаль,
да будет прошлое понятно...
По памяти иду обратно.
А стоит ли —
 в такую даль?

Прошу прощения за любофь

«Секретики» девчачьи многим знакомы
с детства.

В зарослях наткнёшься на коробочку,
а в ней чего только нет:
стёклышки цветные, кирпичом обточенные,
бантики, фантики разные, косточки фигурные.
Попадались камушки с дырочками,
они их куриный бог называли.

Бывало наступишь на песочек,
слышишь, – хрястнуло.
Разгребёшь осторожно: кусок стёкла или пластика,
а под ним золото и серебро конфетное,
цветочки без лепесточков, лепестки отдельные,
но главное
слово «любофь» на бумажке,
химическим карандашом наслюнявлено.
А в сверточке, ниткой обмотанном, ещё листочек,
с именем, какому тесно в таких объятиях.

Однажды мне своё имя попало,
рядом с именем хозяйки «секретика».
Промолчал, что видел,
но стал записочки под дверь подсовывать:
«Хади Валка, гулять. Халиганов нет».
Так и гуляли Валентинка и я, лет до десяти.
Потом она секретное словечко другому вручила,
который в чужие секретники носа не совал.

А я, дурачок, эту «любофь»
до сих пор храню.
Бумажка выцвела, а имя в душе осталось.

Как-то встретил случайно эту
Валентину Викторовну
(полсотни лет в другом городе живёт),
спросил, помнит ли что означали
наборчики детского мусора?
Засмеялась:
«Секрет узнает, кто разгадает».
Вот такая «любофь»,
прости меня, Господи!

Лесной храм

Начинается листопад.
Первый заморозок не мороз.
Осень золота прячет клад
среди белых колонн берёз.

Тише. Вслушайся.
Слышишь звон?
Это к службе зовёт прихожан
Храм лесной, потому что он
златом осени осиян.

Начинается листогон,
свет мерцает со всех сторон.
Словно свечки в храме зажгли,
словно бабочек перелёт...
Мухоморы, что короли,
да никто к ним спины не гнёт.

Пропаций

Тебя здесь нет
и вместо дома
с квартирою, где побывал,
парк.
Вздорной памятью ведомый
нашёл там, – что не забывал,
бродя кругами.
Встретил весть и
в капканы мощные попал. —
Твой адрес стал ему известен,
сегодняшний,
и чел – пропал.

Колодезь любви

Погоди ты колодезь любви забывать,
пусть плющом он повит,
может мысли скрывать.
Вдруг тропинку никто
не найдёт, оживить,
когда ты решетом
бросишь воду ловить.

Песня

Бабье лето, озноб рябиновый,
попыхающая листва.
Слово странное есть:
Любимая. —
Не такое, как все слова...
Ярко-звёздными стали ночи,
утром травы седые сплошь...
То заплачет, то захохочет, —
разве в женщине что поймёшь?

Солнце сонное, утро дымное,
голубая полынь-трава...
Слово странное есть:
Любимая.
Скажешь – кружится голова.

О болезни под шифром f 63. 9

Болезнь любви неизлечима
А. С. Пушкин

У медицины обострение
болезни,
видимо упущена. —
Ведь надо ж стибрить, без зазрения,
определение у Пушкина
болезни, что Любовь зовётся.
Нет, надо вовремя колоться.

Всех чувств не передать словами,
а у болезни шифр – смурной.
Однако «болен я не Вами»
и благо «вы больны не мной».
Так, из-за мудрости Цветаевой,
уже нельзя болезнь утаивать.

На докторов что обижаться? —
От той болезни спасу нет.
Примите, граждане, совет
к Пастернаку плотней прижаться.
Есть у него полу-поэма,
название которой жечь,
оно – «Высокая болезнь».
Хотя болезнь ли,
есть дилемма.

С днём 8-е Марта!

Даря цветы, восторги и эпитеты,
глядятся как открытки мужики!
А за любовь-то, сколько будет выпито,
и будет с левой выпито руки!
За нежность, обаятельность
и ласковость
пить будем и с локтя, и со стола
(не то, чтоб на троих, да с килькой, наскоро)
за всех и порознь – каждая мила!

Сегодня все в нарядах ослепительных,
но выглядят-то классно в день любой!
И это, к сожалению, губительно
для мужиков.
Болезнь зовут – Любовь!

Прививки нет от этакой напасти,
Но мы готовы вновь переболеть.
Смеёмся и желаем дамам – Счастья!
Врут, что от счастья можно умереть.

Диагональный снег

Шлагбаум-снег
всем перекрыл движение,
в тетрадный лист разъезд разлиновал.
Сплошной стеной, до головокружения
метельный встречный люд короновал.

В порывах ветра по диагонали
скользил, кружил и падал наугад.
Не зная, что попались, мы попали
под этот непутёвый снегопад.

...Он шёл недолго, кончился внезапно,
оставив волглый яблоневый запах.

Пора за лыжами

Ещё вчера была округа рыжая,
сегодня – всё белым-бело вокруг.
Пожалуй, что пора идти за лыжами,
без них и не добраться до подруг.
Они-то, нынче, обитают в городе,
а не в селе, где мама родила.
Я скоро доберусь, об этом спора нет,
найти бы только лыжи
и крыла.

Прощай зима

Поднебесье океаном, —
нет ни берега, ни дна,
волны катятся с туманом,
лижет мокрый снег волна.
Первоцвет-подснежник сонно,
пробудившийся едва,
смотрит из сырых пелёнок,
а в глазёнках синева.

Солнце лайнером слепящим
устремилось в небосвод,
за собою тучки тащит,
словно неводом ведёт,
прицепив к нему блесну,
чтобы вытянуть
Весну.

Школьные друзья

На одном пути, в аптеку,
словно на дороге в рай,
школьный друг, через полвека,
повстречался невзначай.
Словно и не расставались,
даже радости не скрыть,
но, куда слова девались, —
не о чем поговорить.

Вспоминали,
жив кто, помер,
кто, как в сумерки, исчез,
горевали, – всех не вспомнишь
в предвкушении небес.

Недосказанность сквозила,
выпирала будто ложь,
ведь внутри такое жило,
что всей жизнью не сотрёшь.
Что теперь об этом. Знать бы
средство от любви невзгод...
Что не зажило до свадьбы, —
при разводе заживёт.

И звёзды в туфельках балетных

Луна висела в стороне,
транслировала песню грусти.
Вдруг неуютно стало мне
торчать в оконном захолустье.

Быльё под окнами росло.
Дождаться б нового покоса.
Да вот дожди смотрели косо.
Жить в одиночку тяжело.

Вдруг вольный ветер
ввысь погнал
охапки листьев разноцветных,
и за собой народ позвал
в ночную даль,
где будет бал
и звёзды
в туфельках балетных.

Круги вечные

Возвращение на круги,
«круги вечные своя»,
через лес, поля, да вьюги
по границам бытия.
Мимо женщины манящей,
мимо... Взгляд не потерять.
Еду к маме повторять
весело и леденяще.

Повторять, не ждать прощенья
за скитания свои.
На орбитах возвращенья
слишком плотные слои.

Возвращаемся, сгорая,
излучая звёздный свет.
Сами, в сущности, не зная,
долго ли ещё до края.

Или края вовсе нет?

Первые числа августа

Первые числа августа,
а паутина спешно
на долгих кустах развешана —
нежданная взгляду сеть.
В неё попадёшь и сломлен ты,
без ветки бродя надломленной.
Вот с веткой, спасёшься запросто,
если поднатореть.

Так что ж будет с бабьим летом?
Вопрос к паучкам в надежде, —
запутаются в ответе, нити пустив в полёт,
когда попадёт в их тенета,
бодренький, но невежа.
Ты помнишь?
Ты в помощь, ветер,
который не устаёт.

Начальные дни листопада

Начальные дни листопада
для сбора грибов хороши!
Казалось бы, что ещё надо,
что надо ещё для души?

Где высь, копошится синица,
под ноги грибов чехарда.
Уже ни к чему торопиться, —
да и торопиться куда?

Маслята под ёлки гурьбою,
лисички на взгорок в поход.
А вот на душе нет покоя.
Чего же ей недостаёт?

И вдруг понимаю, в чём дело, —
простою причина была. —
Ни разу не прозвенело
ликующего:
Нашла!

Советы самому себе

Самому себе давать советы —
сложности не вижу никакой.
Словно жест сопроводать рукой
или мять меж пальцев сигарету.
Лишь одна в советах есть беда —
следую за ними не всегда.

Ведь, приметив стройность впереди,
каждый раз советую: Иди!
Поравняйся с ней,
хотя б на миг.
Вдруг тебя умней,
не скажет: Псих!

Ёк

Никем не искушён, и не был в топе он.
Она пришла как сон, сама притопала
и напросилась в гости, на чаёк,
и будто бы от злости
сердце – ёк.
Что дивно,
стал в глазах своих смешон.
Наивный,
был в любви не искушён.
Подумал лишь: престранные дела,
откуда ж
про меня прознать могла?

Но чем-то ведь внимание привлёк!
А сердце растревожено:
ёк... ёк...

С неба долгого взгляда

То ли мир был не мил, то ли сам никакой.
Я трезвел, опираясь на ветер щекой,
и с трудом вспоминал свою жизнь, как мотив,
где ни слова не знал, что имел, прокутив.
Благо, ты снизошла с неба долгого взгляда,
вновь взяла за крыла:
А какого нам лядя?

И забились крыла,
и крыла заплескали...
Вот такие дела.
А на кой вам детали.

Час разлуки

Коварное судьбы веретено
скрутило в нить,
не мыслим друг без друга.
Увидев в нас единое звено,
посторонился друг, ушла подруга.
Нашли шалаш,
в нём сделали хоромы,
и до предела сузили свой круг.
Однажды в дом зашёл
немой испуг
и поразился:
а друг другу кто мы?

* * *

«... внимай их пенью – и молчи».
Ф. Тютчев

Плывут слова, как острова,
им дрейфовать века,
пока не стянёт ледостав
в массив материка,
пока не стянутся слова,
чтоб превратиться в речь,
пусть различимую едва,
но ты ей не перечь.

Внимай той речи и молчи,
взирая в небосвод,
пока там музыка
звучит,
душа пока поёт.

И паучков переполох

Корзина дремлет в рюкзаке.
Ореховая палка-посох
шагает весело и босо
до самой рощи, налегке.

Ещё не знает нож складной,
зачем таится он в кармане.
Тропинка зиждется в тумане
и отливает новизной
росы.
От поступи сапог
дрожит, искрится в час рассвета.
Гулять выходит бабье лето
под паучков переполох.

Привык

Уже привык, что время катится,
теряет скорость на ходу.
Такой тебя, в цветастом платье,
я, вероятно, не найду.

Приобретенья-то не копятя.
Есть накопленья у потерь.
Теряет скорость, но торопится
за нами время. – Жуткий зверь.

Яблоня

Под звуки звёздного напева
узрела плод запретный Ева,
змей-искуситель ей помог.
Свершится грех, подумал Бог.
За искушение – расплата,
о ней ли мыслил сатана?
Ведь оказалась виновата
не Ева – яблоня сама.
И было велено – спилить, —
плодов не меряно пропало.
Уже в паденье вздрогнув: «Мама!», —
склонилась крона до Земли.

Коснулась яблоня земли,
ни грана света не добавив.
Угрюмо пыльщики ушли, —
им, ангелам, не подобает
то ведать, что замыслил Бог.
Им всякое решение мудро.
Однако наступило утро,
перешагнув через порог.

Господь, чтоб недочёт исправить,
а яблочкам не дать пропасть,
двух грешников решил отправить
на Землю нашу. Власть есть власть.

Историю я вспомнил эту,
когда спилили под окном
вот также яблоню, но светом
дом тоже не был осенён.
Окошек не пробилась синь.
Проблема видимо не в кроне.
Мне не забыть, как вздрогнул сын
и спрятал личико в ладони...

Мелководье

Неделя осталась до полной Луны,
когда мы пройти мелководье должны,
но для достижения цели
нам надо приблизиться к мели.
А там, уцепившись всем якорем в дно,
стараться быть с тянущим дном заодно,
русалок не слушая стоны,
что в рифах несчастные тонут.

А если начнутся внезапно шторма,
от песен сирен не лишиться ума.
Успеть, даже зная, что это зазря,
не выбрать, а в раз обрубить якоря.
Уйти, не дослушав русалок упрёк,
себе вопреки и волне поперёк.

И штиля дождавшись,
при полной луне
вернуться обратно на новой волне.

Мелодия

Мелодией что напевала ты,
ей вторили и травы, и цветы,
был полон до краёв. Не расплескать бы.
Хотя бы до твоих счастливых дней,
которые перенести трудней
без этого напева. —
Дней до свадьбы.

Тобой любезно буду приглашён...
Войду, с лицом, где слёзы в капюшон.

Но, не позволю,
заглядевшись в лица,
прозрачным, вне мелодии пролиться.
Смокну платочком с горочки края,
в улыбке спрячу тайну бытия.
Но умоляю, не лови улыбку,
не совершай нелепую ошибку.

Любовные стихи

Как странно, пишутся стихи
любовные,
вослед разлуке,
как будто отпустил наркоз:
не скованны ни мысль, ни звуки
и пересохла русла слёз.

Мелодия легко звучит.
Печально? – Господи, ликуя!
как будто в Храме «аллилуйя»
с небесных сфер на свет свечи.

От шелестенья звёзд в ночи
немного на душе морозно.
Бессильны строки научить
тому, чему учиться поздно.

Зелен-город

До чего был зелен город,
где любовь моя жила:
и деревья, и заборы,
и церквушек купола.

Были зелены сады,
были зелены плоды,
и дожди входили в город
светлой зеленью воды.
Даже зимы не могли
зелень выбелить земли.
Под снегами, видя сны,
Были травы зелены.

...Собираюсь, год который,
отложить свои дела. —
До чего ж был зелен город,
где любовь моя жила!

То ли счастье мне такое

Ох уж эти отраженья
наших «бывших»,
возникают ниоткуда,
пропадают в никуда,
и становятся при этом
светом свыше.
То ли счастье нам такое,
вроде каторжного зноя,
то ли – экая беда.

Лёгкость мысли необыкновенная

Видел, – мысли прыгали
с веточки на ветку,
мысли воробьиные, крыльями легки.
Я сидел под деревом, дурень, видно редкий,
клетку приготовив, разложив силки.

Вот и плод свалился с дерева познания
и попал уютно по моей башке.
Жаль, что я не Ньютон.
Мне б его терзания.
Я – другой, который с яблоком в руке.

Яблочко расплющено, цвета малахита,
точит мысль змеиная: надо надкусить.
Вот уже и ловля слов ловких забыта.
Слава Богу, дождик начал моросить.

Выбиваемся

Всю жизнь мы выбиваемся, да нет же не из быта,
поскольку забывается банальное, избитое.
Мы в люди выбиваемся, клубищами пыли,
теряем ритм, сбиваемся и
вновь – с нуля.

Нули стучат колёсами:
спеши,
спеши,
спеши,
не бейся над вопросами
измученной души.
Чтоб цель, но не расплывчата,
врагов чтобы простил...
Летят года,
за вычетом,
в шагреновый настил.

Всех белей

В заборе брешь, там звонко брешет
собака редкостных пород,
но вольный пёс по кличке «Леший»,
на эту дамочку плюёт.

Он без цепи, он на свободе,
от всех отбился кобелей,
везде, что не искал, находит
и потому —
он всех белей.

Без меня

Обладая женской логикой,
слово каждое, что в бок,
пишет мне: подъёмом лёгонький,
будет берегом далёк...
Что в виду, за фразой этою,
не понять, без толмача,
то ли мне чего советует,
то ли рубит что, сплеча.

.
Много слов, но все расцеплены,
или спущены с цепей? —
Чтоб я с берега да в степи?
Даль не выдумать глупей.

Пишет: я сама спустилась бы
из заоблачных высот.
В них живёт одна, из милости...
Врёт, —
во мне она живёт.

Исподлобья

Солнце раз ещё взглянуло
исподлобья на поля,
и в сияньи потонула
вся смятённая земля.
Фёдор Тютчев

Глядит светило исподлобья
на женщину – своё подобье.
А женщине не до светила,
она нашла, кого смутила
прозрачным взглядом, нежным взором,
спастись уже нельзя в котором.

Всё может быть

А может быть, и не было тех встреч,
и не было томительных разлук,
и что способна память уберечь,
всего лишь в небе тёмном
светлый звук.

Написано ли слово или сказано
не важно, но повязаны мы им.
Нам празднично, в любое время праздное,
а грусть живёт с рисуночком резным.

Ведь – солнце ты,
хотя есть обочь облако,
ты дождик,
но такой, который слеп
от радуги, мир приобнявшей обручем.
Ты хлеба пряность,
но родней, чем хлеб.

И странно это,
непонятно это:
и запахи, и звуки, что вдали.
Хотя у нас, с тобой, одна планета,
но я лишь спутник,
мелкий для Земли.

Лоскутное одеяло

Жизнь из фрагментов состояла,
из лоскутов, что одеяло.

К фрагментам прочности и быта
фрагменты склочности пришиты
из ткани натуральной – льна.
А к ним прильнула ненароком
любовь, взлетающая высоко
на ярком фоне пятен сна.

Гладь одеяльная тесна.

А, в уголке почему-то,
фрагмент «последняя минута»
вшит белой ниточкой, спеша,
так шьёт обычно рок.

Душа?

Душа, она во всех фрагментах
блистала, словно позументы,
где не вмещалась.

Всем мешалась,
быть в одиночестве боялась.

Души владелец отстранённо
смотрел на жизнь, как на знамёна
глядит с трибуны некой
вождь.

А небо застилала тучи.

Из ада, рая? —

Что здесь лучше?

Вот-вот и краски смоем дождь
под отпевания галдёж.

Зимнее стихотворение

Пудрой розовой припорошены
вдоль дороги деревьев ряды.
Слишком близко, моя хорошая,
от прозрения до беды.

И прозренья ли это, милая,
слушать кумушек пересверк?
До чего же погода стылая! —
Все дымы поднимает вверх.

Утро стелется пудрой розовой
и румянцем горит окно.
Убивает быт грубой прозой,
бьёт костяшками домино.

Жизнь бьёт больно, моя бесценная,
но она же нас исцелит.
В каждом взгляде твоём —
 Вселенная
любит, мается и болит.

Венок

Горячих поцелуев я не смог
растратить за бесчисленные годы.
Возьму, да и совью из них венок
и положу в медлительные воды.

Встречай, мой свет, неожиданное почти.
Записки нет,
но ты её прочти.

Окажется венок не по размеру,
остынут поцелуи на пути?
Не надо, не топчи, не трогай веру,
веночек вспять течению пусти.

И не любуйся на его мучения,
когда пойдёт кружить по омутам.
Не придавай ни веса, ни значения
русалкам там, – они не лучше дам.

Да, и не вздумай
Греть, пусть взглядом, тьму, —
горячее русалкам ни к чему.

Твоё имя припомнить пытаюсь

Дым былого огня стал туманом,
будто леший разлил молоко.
Заблудившись, аукать не стану,
ухожу по туману легко.
От тебя.
Можешь бить всю посуду...
Имя новое вспышкой огня.
По тревожному встречному гуду
сознаю, – он идёт на меня.

Забудь

Забудь слова, поставь печать утраты. —
Тетрадь – в огонь,
пусть высушит слезу.
Идёт молва, —
мы оба виноваты.
Идёт.
Остановилась.
Ждёт внизу.

Руки

За собой заметил странность:
перестал махать крылами,
в разговор с другим вступая
и на сцене, и в быту.
Стал держать свои ладони, словно
с фигами в кармане,
или, их сцепив замками,
сзади пряча суету.

Оценили. Суки знают: парень рук не распускает.
Но, однажды по весне
слышу, говорят друг дружке
симпатичные подружки:
он не прост, – сам на уме.

И задумался. – Ведь бред.
Руки вытащил на свет.
Не решив, куда их деть,
сделал взмах.
Пора лететь.

Выживу

Ощущение, что приближается
то ли вечная тьма, то ли хлад,
изнывает, по-нашему мается,
весь в иголках, сгоревший закат.
Колет сердце, от этого жарко,
только вида не подаю.

Выжить надо, – любимую жалко.
Выживаю, как песню пою.

Всё дальше

Еду в прошлое, – всех уверяет,
но торопится не спеша,
на перронах билеты теряет,
на судьбу свою грустно греша.

Возвращается вновь собираться,
возвышает себя до высочества,
убеждая, что глупо теряться
в центре буйного одиночества.

Моим одноклассникам

Порывы ветра пылью закружили,
и волосы покрыли сединой...
Мы, с ветром в голове, другими были?.. —
Таковыми ж и остались, зря не ной.

И что с того, что сорок миновало
с тех дней, когда дипломы вручены, —
такие ж мы, хотя и лет немало,
однако в этом нашей нет вины.

Мы снова вместе и пусть после встречи
вновь с кем-то не увидеться года,
сегодня каждый, как тогда
беспечен,
сегодня каждый молод, как тогда!

Сегодня снова отчества забыты,
на время быт в сторонку отбежал,
сегодня все равны и нет элиты,
и даже память,
надо же — свежа.

Земля в осенней дымке невесома,
Безоблачен огромный небосвод.
Да разве можно оставаться дома,
когда у птиц в разгаре перелёт?

Бескрайни выси светло-голубые.
Берёзы светит золотая прядь.
Чудесней нет родной моей России.

И ничего прекрасней не сыскать,
чем это, на исходе, бабье лето,
когда печаль светла и высока,
когда земля ещё теплом прогрета
настолько, что возносит в облака.

Легчайшие. Да облака ли это?
Безоблачен огромный небосвод.
Куда тебя несёт моя планета,
удачен ли твой будет перелёт?

Черёмуха

Свежий ветер ледяной
налетел внезапно.
Светит нежной белизной
свет черёмухи хмельной
в розовых крапах.

Утро холодит лицо,
разгоняя дрему:
только вышел на крыльцо —
за спиной замкнул кольцо
лепестковый омут.

Сделаешь невольный вдох
и – ожог дыханье,
сразу кругом голова,
лишь колышется листва
где-то в мирозданье.

Любовь

Остались какие пути?
До солнца – попробуй дойди.
До сердца? – но эта дорога
почти что до самого бога.
Глеб Горбовский

Моя любовь, что солнышко была. —
Сияла.
Жаль, что жалила, не грела.
Гуляла в поднебесье, как хотела:
всходила, заходила...
Не зашла
однажды, как я ни сверлил окно.
Теперь мне днём,
и днём с огнём темно.

Вера в чудо

Возможно, что его и не было.
Да нет, кто верует – им было.
Вот радуга пришла – в полнеба
и полпланеты осенила.

Обман оптический, не более?
Как быть? —
Тобою только болен я.

Шрам

Показалось, если ты уйдёшь, —
над планетой покачнётся небо,
полянёт огонь, начнётся дождь,
да такой, какой вовеки не был.

Звёздочкой мелькнула, обожгла.
Только от ожога шрам остался.
И ушла. Но, странные дела,
даже небосвод не покачался.

Только лишь в душе колокола
бьются в споре вечном —
ты была?

Берег

Берег озера.
Вечер обманный.
В переливах небесных вода.
С героиней бывшего романа
сам не знаю, как выплыл сюда.

Всё она про беду лепетала,
не свою, но чужую беду.
И светила звезда вполнакала,
где Луна облака полоскала
оголившись у всех на виду.

Пел «Разлуку» на дачах динамик,
но слова были в песне глухи,
лишь пытались встревать
между нами,
будто рифма встречается в стихи.

В сиделках снилась

Была постыла погода стылая,
за поясницу схватила с тыла и
так скрутила – не распрямиться.
Прощайте, милые,
привет – больница.

В сиделках снилась погодка ясная,
душа дымилась, вся опоясана
словами близких,
на удалении.
Иссякли риски, при выпрямлении,
при распрямлении
в пояснице.
Пришло стремление
тебе присниться.

Бродит по дому судьба

Как хороши, как свежи были розы
Иван Мятлев

Бледная беглая тень,
сонное бормотание.
Белым по синему день
вышит на стёклах цветами.
Там, за стеною, мороз,
звёзды полночные плачут.
Лижет ладонь мою пёс,
тычется носом горячим.

Лёд к охлаждению лба.
Реют миражно стрекозы.
По дому бродит судьба,
держит не веник, но розы.

У изголовья кладёт,
вазу водицею полнит.
Больше никто не зайдёт.
Больше никто и не вспомнит.

У времени в горсти

Медовый пряник испеку
и в гости позову.
Что ещё надо, старику? —
Вре́мён шитьё – по шву.

Сам белу скатерть расстелю, поставлю самовар.
Не буду говорить: люблю, —
стар для любви я, стар.

Живу, что в гавань кораблю,
у времени в горсти.
Прости за то,
что не люблю,
тебя любя.
Прости.

Живое небо

Живое небо по ночам являет
нам призрак звёзд,
которых
не бывает.

Но зрелище небес необычайное
явление нисколько не случайное.

Мнимое счастье

Можно срезав цветы подарить,
и в красивую вазу
озарив интерьер, поместить
вдалеке от окна.
«Всё равно отцветут», —
промолчать оправдания фразу. —
Эта фраза печали, по сути своей, неверна.

Всё равно отцветут. – Вроде точно,
но только отчасти.
Отцветут вне корней,
и семян не дадут никогда,
то есть деток.
Непрочно
стеклянное пьяное счастье.
Счастье, рядом с которым
незримо гуляет беда.

Накануне забытья

Сяду я себя забуду...
Геннадий Шпаликов

А ведь ты была права.
Захотелось мне покоя,
привыкаю забывать сам себя и всё такое.

Вот уже, никак вчера, позабыл,
что ветер светел,
вспомнил вечер у костра
поутру, под скрипы ветел
но полсотни лет спустя.

Стал, как малое дитя
сочинять, что годы были,
но успели полинять.
То, что вместе подзабыли,
тщетно порознь вспоминать.

В забытья, а не из лени
стал вытягивать слова,
словно чурки из поленниц,
под названием дрова.

Несмотря, что быт суров,
я не помню облик дров,
кроме тех, что наломал.
Для чего? – не понимал.
И теперь не понимаю,
когда время истекло.
Говорят, – грядёт зима и
надо людям дать тепло...

Жаль, хотя не для укора,
забывает голова твои тёплые слова
посредине разговора,
а из глубины двора начинает ухмыляться
расставания пора, где секунды долго длятся,
доползают до минут и секут,
секут,
секут
прежней памяти края,
накануне забытья.

Ливень в Спасском

В Спасском бушует ливень,
листьев сбивая медь.
Не было дня счастливей.
Да и не будет впредь.

Первый порыв листопада.
Дом возрождённый вновь.
На расстоянии взгляда
Родина и любовь.

Рана

А заживленье ран – душевная работа...
Юнна Мориц

Нельзя терзания продлить, но,
закусив губу до пота,
возможно рану присолить,
чтобы нашлась душе работа.

Боль мысли уведёт ко дну
и ты заметишь над собою
внезапно небо голубое,
и неизбывную вину.

Выше крыши

Времени выше крыши,
ниже вот пустота,
даже отсутствуют мыши,
ищущие кота.
Если пустые мысли
от журавля несём
вёдрами на коромысле,
то звона полно во всём.

С тех пор, когда в урочный час Н.П.

С тех пор, когда в урочный час
промчалось время мимо нас,
не дав, как следует взглядеться,
а только лишь дохнув огнём,
мы наглухо застряли в нём,
забыв, что выбрались из детства.

И вот,
с разъезда городами
прошло полвека. – Переплёт.
Но память-то не голодает,
не осуждает, не гадает,
она по-своему живёт.

Да было ли любовью это,
тех дней зима, весна и лето,
уже никто не может знать.
Напева радости и света,
достаточно
на полкуплета,
чтоб им Вселенную объять.

Начнём сначала

Смерч прошёл, оставив бурелом,
унесло куда-то ветром крыши...
Все убытки на стихию спишем —
не осталось ничего в былом.

Смерч прошёл.
Нет на реке причала,
дальше не уплыть нам, никуда...
Может быть, начнём всё вновь,
с начала...
Вопреки стихии.
Навсегда.

«Берёз пожелтевших листву отражая, вода...»

Берёз пожелтевших листву отражая, вода
в реке моей юности вся золотится от света.
Когда-то цыганка осмелилась мне нагадать
печальную осень и очень весёлое лето.

Но лето прошло так, что я не заметил тех дней.
Летят паутинки, в моих волосах серебрятся,
и воздух прозрачен, и дали настолько видней,
что нет ни печали, ни денег,
и нечего смерти бояться.

Есть только вода, золотистая как лимонад,
в реке моей юности, недалеко от истока...
Ошиблась цыганка: вращается время назад,
Туда, где сирень облаками касается окон...
...Уже колосится, всюю наливаясь дождём,
осеннее небо
и просится в руки синица.
Листва хороводит, уводит...
Чего же мы ждём?
Дням бабьего лета
Недолго осталось кружиться.

О чём не говорят

Небо вечерами ближе к драме,
бьются в тучах всполохи огня.
Если б не Господь, что вечно с нами,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.